

Левсет Дарчев

**Сын будет
таким, каким
воспитаешь**

Лезгинская поговорка

Левсет Дарчев

**Сын будет таким,
каким воспитаешь**

«Издательские решения»

Дарчев Л. Н.

Сын будет таким, каким воспитаешь / Л. Н. Дарчев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963222-7

Методы воспитания детей на Кавказе те же, что и сотни лет назад. Тяготы и лишения закалывают характер, скалы и тропы — выносливость, неудачи — целомудрие и опыт. Они целыми днями представлены самим себе — в этом их не остановят ни опасности, ни травмы. Но эта свобода всегда под контролем старших. Оторвавшись от опеки родителей, они смело вступают во взрослую жизнь, никогда не забывая о наставниках, которые от них будут ждать большие дела и благородные поступки.

ISBN 978-5-44-963222-7

© Дарчев Л. Н.
© Издательские решения

Содержание

Незванные гости	6
Сенокос	9
День свадьбы	10
Сумка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сын будет таким, каким воспитаешь

Левсет Насурович Дарчев

«СЫН БУДЕТ ТАКИМ, КАКИМ ВОСПИТАЕШЬ»

(Лезгинская поговорка)

Посвящается Герою и Заслуженному строителю Дагестана Джабраилу Гаджи, который в 85 лет продолжает работать руководителем предприятия, не забывая о тех принципах, которые заложил в него дед много лет назад.

© Левсет Насурович Дарчев, 2019

ISBN 978-5-4496-3222-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Незванные гости

Первыми о наступлении утра оповещали петухи, кукарекая раскатистым гимном по всему селу. По выработанной с годами привычке Гаджали из Кураха вставал одним из первых, потому что он с детства освоил один урок хочешь хорошо жить, надо трудиться. В его хозяйстве было два быка для пахоты, лошадь, на котором он любил ездить по окрестным селам, где у него было много друзей.

Этот июньский день был насыщен запахами лета- трава на горных лугах ждала своего часа, поблескивая в лучах солнца зеленым переливающим цветом и раскачиваясь на ветру. Следом покос пшеницы, затем помол и пахота.

Гаджали вернулся домой с сенокоса вместе с сыном Абреком, взрослым юношей, который уже стал опорой по ведению хозяйства, иногда ленивый, иногда шальной, временами трудолюбивый. Они, поджав ноги, расположились на ковре за скатертью. Замаячила дочь Галима в распашном платье, штанах из черного бархата, низ которых был украшен разноцветной тесьмой. Длинная коса спрятана в чухта, сшитая из дорогого шелка. Туникообразная рубаша с прямыми встроенными рукавами с вертикальным разрезом на груди подчеркивала ее высокую, стройную фигуру, которая делала ее похожей на лань- вся собранная, ни нотки голоса при отце, на лице ни тени улыбки. Со светлыми глазами, тонким поющим голосом и благородным отзывчивым сердцем она больше была похожа на свою мать. Трудолюбие, дисциплину, принципиальность унаследовала у отца. Временами отец, видя ленивость сына, жалел, что она не родилась мальчиком. Быстрыми, размеренными движениями она подала свежий горячий лаваш, кусок овечьего сыра и суп из айрана с рисом.

В комнату вошла обескураженная жена – Селима.

– Гаджали, у нас гости, – мрачно сообщила жена с порога.

Гаджали поднял суровый взгляд на нее. Ровные арки бровей и тонкие губы подчеркивали его решительный характер.

- Кто такие? – спросил Гаджали и встал с легкостью охотника.
- Не знаю, – ответила Селима. – Говорят из Ахты.

Гаджали, еще спускаясь по лестнице, по голосу узнал старого знакомого Керима. Только он не знал и не мог догадаться, зачем он к нему пожаловал.

За воротами дома стояли три всадника на породистых лошадях в длинных серых подпоясанных бешметах, на боку висели кинжалы, оправленные в серебро.

– О-х, Керим, – произнес Гаджали, раздвинув руки для объятий. – Какими судьбами! – Церемония рукопожатий. – Заходите домой. Пошли, пошли. – Он завел их в гостевую комнату. Жене Гаджали на ходу повелел приготовить хинкал из сушеного мяса.

– Да, нет спасибо, Гаджали, – отказался Керим, усаживаясь на толстую подушку, набитую шерстью. – Мы ненадолго и по очень деликатному вопросу. На хинкал у нас еще будет много случаев.

– Ну, рассказывай, какие у вас новости в Ахтах, – начал беседу Гаджали.

– Ничего нового, – сказал Керим. – Тихо идет коллективизация, и ты же знаешь- у меня самый большой двор в селе. У начальников большие планы. Они хотят освоить и склоны гор и долину реки- вообще, я дал добро и отдаю своих коров и лошадей в колхоз. Думаю, зачем идти против течения. К тому же, моему сыну предложили стать председателем.

– О-о, – одобрительно кивнул Гаджали, – это уже меняет дело.

Керим лукаво и многозначительно улыбнулся.

– Гаджали, – начал Керим, переходя на официальный тон, – мы с тобой давно друг друга знаем. Ты влиятельный человек в твоём селе, а меня хорошо знают в Ахтах. И- и, – он замешкался, раздумывая над каждым словом, – нам следовало бы быть теснее. Ну, другими словами, нам бы следовало скрепить семейные узы.

У Гаджали, который уже догадался, в чем дело, дрогнула мышца на лице, и он с напряжением продолжал слушать самого богатого человека в Ахтах.

– У меня есть сын, – продолжал гость, – он уже взрослый, самостоятельный мужчина. А у тебя дочь, Галима. И я вместе с моими братьями пришел в твой дом просить руки твоей дочери.

Гаджали застыл и продолжал сидеть с открытым ртом, от неожиданности не в силах произнести ни слова.

– Это будет богоугодное дело, Гаджали халу, – продолжил другой, видимо младший брат Керима. Из под папахи из овечьей шкуры на Гаджали смотрели карие глаза, которых разделял нос с горбинкой. Он тоже хочет убедить меня в богоугодном деле, успел подумать Гаджали.

– На все воля Аллаха, Керим, – наконец выдал Гаджали. – Я и не думал, что моя дочь такая уже большая, и ее можно выдать замуж. – Время так быстро бежит, и я не замечаю, как все меняется. – Я не знаю, что и сказать.

– У нас славный и уважаемый род, Гаджали халу, – вмешался в разговор третий с квадратным лицом. – Вы не пожалеете – мы будем беречь ее как зеницу ока. Мы, прежде чем придти

в ваш дом долго думали и решили, что наше объединение станет хорошей основой для дружбы двух сел. Этот косой – еще и политик, подумал Гаджали, складно говорит.

– Я не могу дать вам ответ сразу, – вежливо произнес Гаджали. – У меня есть старший брат. Я должен обсудить это.

– Конечно, конечно, – согласно кивнул Керим. – У нас есть время, и мы можем подождать.

Гаджали склонил голову в нерешительности. Он понимал, что это хороший вариант, чтобы обзавестись родственными отношениями с состоятельным родом: у его сыновей будет хорошая опора и поддержка, а у дочери будет обеспеченная жизнь.

Вдруг дверь в гостиную приоткрылась, и появилась голова Селима.

– Извините, – произнесла она робким голосом. – Гаджали, можно тебя.

Она увлекла мужа в дальний угол коридора.

– Они пришли засватать Галиму? – спросила она немедля.

– Да, – коротко произнес Гаджали

– Ты уже решил? – Селима смотрела в глаза мужа.

– Нет еще.

– И не думай!

Гаджали нахмурился.

– Почему?

Селима молчала, – она не знала, как это сказать мужу.. Она проглотила комок.

– Ты знаешь сына Габиба, Раджаба?

– Знаю.

– Он примчался только что и...

– Что «И»?

Селима подняла глаза полные ужаса на мужа.

– Он сказал, что если вы выдадите ее замуж, то он ее сегодня же похитит, – произнесла Селима дрожащим голосом, – она в подавленности опустила голову.

Гаджали пришел в ярость – его зубы заскрежетали.

– Он, сын Габиба, будет диктовать мне условия. Я убью его. – Гаджали, забыв, что дома у него гости, направился за ружьем. Селима вступила вперед и взмолилась.

– Гаджали, я тебя умоляю, не делать этого. Не надо пачкать себя кровью. И... – она сделала паузу. – О дочери подумай.

– Что! – громко прокричал Гаджали, теряя самообладание. – Что ты говоришь. Моя дочь...

Гости, тихо сидевшие в гостиной, глядя друг на друга и безучастно шаря глазами по интерьеру комнаты, услышали глухой выстрел, затем окрики: «Остановись. Не надо убивать» – и они переполошились. Младший аж подпрыгнул на месте и тупо уставился на старшего брата.

– Что такое? – выдавил он с открытым ртом и скосившимися от страха глазами. – Он хочет нас убить. Уходим!

В коридоре шум усиливался.

Братья вскочили, и один из них сунул голову в проем двери и застыл

– Пустите меня, – кричал Гаджали, вырывая ружье из рук жены и подоспевшего сына.

На полу лежали осколки разбитого от пули глиняного кувшина, залитые его содержимым-молоком.

Гости, молча, прошмыгнули мимо разбушевавшегося не на шутку хозяина дома, опасливо глядя по сторонам, быстро отвязали лошадей и дали деру.

– Слава богу, – сказал косой, вздыхая с облегчением, – успели унести ноги живыми. Ей богу, эти курахцы, я всегда говорил, ненормальные какие-то. Расскажи кому- не поверит: всего то хотели засватать его дочь, а он в ружье. Нет, я больше в Курах за невестой – никогда, брат. Так что, давай ищи невесту где-нибудь в другом месте, но только не в Курахе.

Сенокос

Гаджали долго не мог прийти в себя от ярости, когда какой-то сопляк бросил ему вызов и поставил условия. Коса Гаджали скользила по траве со свистом, и он после каждого взмаха шел на один шаг вперед. Разбираясь со своими мыслями, куда глубоко впутался сын Габига, он то и дело останавливался, подпираясь косой и глядя на село.

– В чем дело, папа, ты устал? – спросил Абрек, приблизившись к нему и сделав последний взмах.

– Не могу успокоиться, – прошипел Гаджали, мотнув головой. – Еще никто не позволил себе так поступить со мной – прийти ко мне домой и сказать:» Я похищу твою дочь». – Абрек стоял с опущенной головой, не желая нарушить разговор отца с самим собой. – Ты хоть знаешь его- этого Раджаба?

– Да.

– И что ты можешь сказать о нем?

– Высокий парень с зелеными глазами...

– Подожди, подожди, – оборвал его отец. – Меня не интересует цвет его глаз. Ты мне скажи, что за семейство.

– Что он, что его отец – трудолюбивые, отзывчивые люди, – поведал Абрек, разжевывая длинный свисшийся к подбородку стебель травы. – Еще, Раджаб с характером – никому не даст себя в обиду.

– Тогда, почему они такие бедные?

– Не знаю, папа, – признался Абрек. – Может, они просто невезучие. Недавно у них сгорел сарай, и им пришлось продать всю живность. К тому же, папа, богатство в таких делах – не главное. Бедность может подкрасться в любой дом.

– Хватит, хватит, – Гаджали гневно остановил сына, подняв руку. – Уму разуму меня учишь. Никто не сможет мне доказать, что бедность лучше, чем богатство.

– Я не это имею в виду, папа, – Абрек продолжал отстаивать свою точку зрения. – В обществе людей ценят не по количеству денег, а по их отношению к другим людям. Ну, например, возьмем Рагима, директора школы, который первым в селе получил высшее образование. Он, я бы не сказал, что богатый, но смотри, каким уважением он пользуется в селе..

– Он стал твоим учителем, сынок? – с возмущением произнес Гаджали. – Ты несешь какую-то Галиматю. Речь идет о твоей сестре, о ее судьбе, а ты мне решил лекцию по нравственности прочитать. Завтра не получится так, что твоя сестра придет к нам с опущенной головой, жалуясь на трудности, связанные с бедностью. И тогда этот Керим из Ахты будет смеяться надо мной за непредусмотрительный шаг. Ты об этом не подумал. – По тону голоса было видно, что Гаджали примерял Раджаба в качестве зятя и искал ему место в своем разбушевавшемся сердце.

– Я не знаю, – коротко ответил Абрек. – Этого никто не может знать. Раджаб может добиться большего, чем его отец. А решать, как поступить – тебе, папа, как главе семьи.

– Ты я вижу не против, – Гаджали наконец поставил вопрос ребром.

– Нет, – ответил его взрослый сын, полностью отдавая себе отчет за судьбу сестры, зная хорошо своего друга по имени Раджаб.

День свадьбы

Галима в день свадьбы в нарядном платье, сшитым по линии талии с лифом, плотно облегающим фигуру и с нагрудником из дорогого бархата, увешанным серебром выглядела необычно красиво.

Отец стоял среди гостей в традиционной распашной черкеске белого цвета, изготовленной из верблюжьей шерсти. Черкеска была одета поверх бешмета с нагрудным разрезом. Отец в папахе выделялся среди всех высокой и строгой осанкой. Он больше молчал и был в гнетущем настроении. Галима хорошо запомнила эту папину парадную форму, потому что она за ней следила, перешивала пуговицы, меняла разрезы и манжеты, пришивала накладные карманы, а когда он несколько лет назад собрался на встречу в Ахтах с Нажмутдином Самурским, то попросил карманы убрать – мода быстро менялась.

Во всей свадебной церемонии только один раз ее глаза поймали грустные, полные печали глаза отца, и ее сердце застучалось еще сильнее: ее обуревало чувство, что нить, которая соединяет ее с ним, натянулась и вот- вот порвется. Это- прощание: прощание с детством, с отчим домом, где она была окружена любовью и вниманием. Голоса свадебной песни глушили ее мысли, но остановить поток ее слез не мог никто. Она понимала, что вступает во взрослую жизнь и чужую семью, полную неизвестности и сомнений.

Время шло, а Гаджали не мог себе простить, что пошел на поводу у жены и сына Абрека, а также поддался на уговоры Раджаба и его высокомерию: « В качестве калыма я отдам мешок денег, хотя Галима стоит дороже» Его дочь продолжала жить в нужде, хотя она никогда не показывала этого, не жаловалась и все время продолжала жить в ожидании чуда. Это» чудо» пришло через два года: она родила сына и дала ему имя отца по его наставлению- коротко- «Гаджи».

Сумка

У Гаджали с утра было плохое настроение- год выдался неурожайным: яблоневоый сад навевал тоску- под осадой гусениц яблоки скукожились, а сливы не уродились вовсе. Вернувшись домой в полуденное время, он на крыльце заметил незнакомую набитую тканевую сумку. Он из-за любопытства раскрыл ее и нащупал рукой банку меда, кусок овечьего сыра и масло. Его лицо изменилось – губы поджались, глаза прищурились, и он гневно крикнул:

– Селима!

Селима сбежала по лестницам вниз и застыла, увидев мужа над раскрытой сумкой. Она вспомнила его распоряжение – никому ничего не давать и перестать быть больной на сердце. Она имела привычку делиться со всеми, кто нуждался. А тут – родная дочь.

– Что случилось, Гаджали?

Гаджали перевел глаза на сумку.

– Это что?

Селима растерялась.

– Это для нашего внука.

Гаджи в это время находился дома и до его ушей стали доноситься слова деда со двора – он стал прислушиваться.

– Я не дурак и догадываюсь, что это для Раджаба, – продолжал Гаджали громко.

– Тихо говори, – прервала его жена. – Гаджи дома и может услышать.

– Пускай слышит, – проорал Гаджали. – Он такой же лентяй, как и его отец: не учиться и никаких целей в жизни нет. Я не намерен кормить семейство Габиба. – У них что, нет рук. Пусть работают и зарабатывают.

Руки четырнадцатилетнего Гаджи, который демонстрировал маленькому племяннику собственное изобретение- детскую игрушку, где акробат кружился вокруг нитки, натянутой между двумя палками при их натяжении- остановились. Он услышал, как дед плохо стал отзываться о нем и его отце. Кровь прихлынула к лицу, и оно побагровело. В этот момент он хотел превратиться в птичку и вспорхнуть вон через окно, чтобы не попасться под глаза строгого деда. Он спустился со второго этажа и поплелся мимо деда под пристальным вниманием бабушки на выход.

– Гаджи, – позвала бабушка, – забери сумку, сынок.

Гаджи не отозвался – он ушел с окаменевшим сердцем. От обиды его сердце разрывалось на мелкие кусочки, а глаза застилала слезы. Он вышел наружу и глубоко вздохнул. В один момент он весь собрался и воспрянул духом и вдалеке четко увидел заснеженные вершины Шалбуз Дага, которому совершенно нет дела до его чувств. Надо найти выход, и он нашел путь, по которому надо идти, чтобы прокормить себя и свою семью. Он вдребезги разбил игрушку и побежал, не останавливаясь, пока не добежал до дома бригадира колхоза, чтобы устроиться работать к нему на время школьных каникул.

– Хм, да ты еще маленький, Гаджи, – урезонивающе произнес бригадир Аслан халу, интеллигентный, с кепкой на голове и в резиновых сапогах. – В какой класс ходишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.